

Т.А. Верховский

Стародубье. Часть 1-3.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Т11

Т11 **Т.А. Верховский**
Стародубье. Часть 1-3. / Т.А. Верховский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 420 с.

ISBN 978-5-4241-3771-6

Записки протоиерея С.-Петербургской Никольской единоверческой церкви Т.А.Верховского, высочайше командированного в 1845-1848 г. государем императором Николаем Павловичем для устройства единоверия в черниговских старообрядческих посадах.

ISBN 978-5-4241-3771-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

торъ, вздоръ!“ и потомъ, указывая въ ту сторону, гдѣ видѣлись ихъ старообрядческія церкви, продолжалъ:— „неужели это церковь? Это не церковь, а сборище вольнипы; бывшіе попы ваши дезертиры, нарушители клятвы, измѣнники своихъ обязанностей. Забыть, забыть и не думать объ нихъ! И вольничать вамъ не позволю! Я выстрою вамъ церковь, и приѣду Богу молиться; и когда вы пойдете въ нее и будете со Мною молиться, тогда я и приму отъ васъ хлѣбъ—соль; слышите ли, вольничать не позволю“.

Говоря это и поднявъ руку, Государь строго грозилъ старообрядцамъ своимъ державнымъ перстомъ.

Какъ громомъ пораженъ были всѣ старообрядцы словами Государя и, нѣсколько времени, какъ скрыжась его коляска изъ виду, они стояли какъ ошеломленные, не зная, что имъ дѣлать. Старикъ Полянскій, все еще державшій въ рукахъ хлѣбъ—соль въ томъ положеніи, въ какомъ подносилъ ихъ Государю, едва пришелъ въ себя и обратившись къ исправнику спросилъ:— „Ваше высокоблагородіе! что мы теперь будемъ дѣлать?“— „Что дѣлать?—отвѣчалъ исправникъ—итти по домамъ, да и думать, что волю царскую не отложно должно исполнить!“

Въ мрачномъ уныніи разбрелись по домамъ старообрядцы, чувствуя себя подавленными тяжестью царскаго гнѣва... Бѣднаго старца Полянскаго, на пути къ дому долженъ былъ поддерживать исправникъ; у него едва двигались ноги по землѣ. Возвратившись домой, старикъ слегъ въ постель. Напрасно слобожане уговаривали его выпить чашку чаю, онъ не могъ.

На другой же день послѣ сего событія, приѣхалъ въ посадь Добрянку гражданскій губернаторъ Иавель Ивановичъ Гессе, чтобы лично узнать, чѣмъ Государь былъ приведенъ въ неудовольствіе, послѣ того какъ выѣхалъ изъ Чернигова веселый и покойный.

Исправникъ, встрѣтившій губернатора, тотъ часъ же отправился къ Полянскому, и въ утѣшеніе стари-

ку говорилъ, что губернаторъ самъ непременно посетитъ его, при чемъ съ участіемъ спрашивалъ старика, какъ онъ проведетъ ночь, покойно ли? Полянскій отвѣчалъ:—„помилуй батюшка; гдѣ спать! какой тутъ сонъ! какъ только закроешь глаза, въ тужъ минуту такъ и видишь—какъ на яву; грозить тебѣ палець Государя, и палець то такой великій и страшный“.

Больной все больше и больше хирѣлъ послѣ страха царскаго и нигуда уже не выходилъ со двора. Въ августѣ пріѣхалъ въ Добрянку военный генералъ губернаторъ князь Николай Андреевичъ Долгорукій. Ему приготовлена была квартира въ домѣ Полянскаго; но князь приказалъ все, что приготовлено для него, перенести въ другой домъ, за то, что Полянскій и самъ не согласился и другихъ своимъ примѣромъ удерживалъ отъ согласія на принятіе законнаго священника. Это послѣднее обстоятельство, такъ подѣйствовало на семидесятилѣтняго больного старика, что онъ на другой же день умеръ.

Грозный палець Государя, не одному Полянскому видѣлся потомъ долго во снѣ, но и многимъ другимъ..

Неожиданное старообрядцами такое грозное и безотрадное для нихъ гнѣвное расположеніе Государя Императора вызвано было самими же старообрядцами. Съ самаго начала своего царствованія, онъ не переставалъ заботиться и принимать разныхъ мѣръ и способы къ вразумленію ихъ и обращенію къ св. церкви. По Его Высочайшей волѣ, командируемы были Святѣйшимъ Синодомъ въ разные мѣста миссіонеры и устраивались единовѣрческія церкви. Но когда мѣры эти мало соотвѣтствовали ожиданіямъ Государя, то онъ въ 1838 году Высочайше повелѣлъ, отобрать всѣхъ бѣглыхъ священниковъ гдѣ бы они ни были при церквахъ ли, или часовняхъ у старообрядцевъ, и всѣхъ ихъ возвратитъ въ тѣ епархіи, изъ коихъ они самовольно отлучились;—церкви же ихъ закрыть и звонъ уничто-

жить.—Высочайшая воля эта со всею строгостію была исполнена ⁽¹⁾.

Мѣра эта оказалась весьма благотворною и полезною: что оказывается изъ слѣдующаго, а именно:— съ 1787 года со времени освященія первой единовѣрческой церкви. до половины 1838 года въ продолженіе сорока лѣтъ, устроено и освящено пятьдесятъ шесть церквей; а съ половины 1838 года по 1845-й годъ въ шесть лѣтъ устроено и освящено пятьдесятъ четыре церкви. Въ числѣ ихъ въ Черниговской губерніи одна только церковь освящена, и то въ Малиноостровскомъ мужскомъ монастырѣ при открытіи въ ономъ единовѣрія,—а въ шестнатцати посадахъ, съ населеніемъ обоего пола мужскаго и женскаго до семидесяти тысячъ душъ, ни одной не освятилось и не устроилось церкви. Съ вѣроятностію можно положить, что это-то и было главною причиною негодованія Его величества на старообрядцевъ черниговской губерніи.

⁽¹⁾ Распоряженія касательно колокольнаго звона и бѣглыхъ священниковъ были сдѣланы нѣсколько ранѣе 1838 года. Употребленіе колокольнаго звона было воспрещено распоряженіемъ отъ 31 дек. 1836 года (Истор. распоряж. по расколу Варадинова, стр. 316). Распоряженія касающіяся бѣглыхъ поповъ относятся къ 1832 и 1834 годамъ, и при томъ распоряженія эти не такъ строги, какъ представляетъ ихъ авторъ «Записокъ». Вслѣдствіе записки графа Блудова, бывшаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, было постановлено: «когда дойдетъ свѣдѣніе до правительства о вновь бѣжавшихъ попахъ, то возвращать ихъ въ епархіи, въ распоряженіе епархіальныхъ архіереевъ, и не дозволить вновь появляться бѣглымъ попамъ у раскольниковъ, а *прежнихъ оставлять въ покоѣ*». (Распоряж. 31 янв. и 23 апр. 1832 г. см. у Варадилова, стр. 302). На воспоминанія достопочтеннаго автора имѣло вліяніе, быть можетъ, то обстоятельство, что въ 1837 году было предписано выслать изъ Стародубья въ епархію одного вновь бѣжавшаго попа, одного діакона и двухъ іеромонаховъ; но послѣднихъ не въ силу какого-нибудь новаго закона, а на томъ основаніи, что, снисходительныя права о прежде бѣжавшихъ священникахъ никогда не распространялись ни на монаховъ, ни на діаконовъ (у Варад. стр. 305). *Примѣч. редакц.*

ГЛАВА II.

Возвращеніе Императора въ Петербургъ.—Распоряженія духовнаго и гражданскаго начальства о построеніи церкви въ Добрянкѣ.—Предписаніе св. Синода преосвященному черниговскому Павлу о немедленномъ построеніи церкви по прилагаемому чертежу. — Сношеніе оберъ-прокурора св. Синода, по сему предмету съ министромъ в. дѣлъ. — Предписаніе епископу калужскому объ избраніи самаго благонадежнаго священника къ оной церкви, и отправкѣ его въ С.-Петербургъ для личнаго представленія государю и полученіи отъ него изустныхъ наставленій. — Вопросы Государя Протасову.—Отвѣты на оныя Его Величеству. — Заботы графа о пелѣхъ священника.—Распоряженія его на случай дальнѣйшаго замедленія его. — Я у Войцеховича; четвертаго августа у графа Протасова на дачѣ его, а пятаго, въ воскресенье; представленъ графомъ на аудіенцію Его Величества въ петергофскомъ дворцѣ, гдѣ и получилъ лично отъ Его Величества повелѣніе отправиться въ Добрянку.

По возвращеніи Его Величества, въ маѣ мѣсяцѣ, въ С. Петербургъ, сряду же и начались распоряженія объ исполненіи Высочайшей воли, объявленной въ посадѣ Добрянкѣ, какъ со стороны духовнаго высшаго начальства, такъ и гражданскаго. Въ слѣдствіе предложенія г. оберъ-прокурора Св. Синода, графа Николая Александровича Протасова, отъ 7-го іюня за № 3966, съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія объ устройствѣ для жителей посада Добрянки, черниговской епархіи, единовѣрческой деревянной церкви, Св. Правительствующій Синодъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: избравъ изъ имѣющихся въ Синодѣ образцовыхъ чертежей для построенія деревянной церкви, приказалъ препроводить одинъ изъ нихъ,—къ Черниговскому преосвященному Павлу съ тѣмъ, чтобы онъ, по сношенію съ мѣстнымъ начальствомъ, приступилъ немедленно къ сооруженію по полученному имъ чертежу деревянной церкви;—такъ чтобы она была окончена осенью тогоже года, и о распоряженіяхъ, какія имъ будутъ сдѣланы, донесъ Св. Синоду чрезъ семь дней по полученіи указа.

Господиномъ оберъ прокуроромъ св. Синода, по сему же предмету сдѣлано отношеніе отъ 19-го іюня

1845 года за № 4218-мъ съ увѣдомленіемъ о Высочайшей волѣ о построеніи церкви, для жителей Добрянки и о опредѣленіи къ оной самаго благонадежнаго священника,—къ министру внутреннихъ дѣлъ объ оказаніи съ его стороны возможнаго содѣйствія къ приведенію въ исполненіе по сему предмету распоряженій и о прочемъ.

Святѣйшій правительствующій Синодъ 27-го июня 1845 года за № 216-й сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:—1-е въ точное исполненіе августѣйшихъ словъ, произнесенныхъ Государемъ Императоромъ добрянскимъ старообрядцамъ при Высочайшемъ посѣщеніи ихъ посада, предписать преосвященному калужскому епископу Николаю, чтобы онъ немедленно избралъ и отправилъ въ Черниговъ, для опредѣленія къ добрянскимъ единовѣрцамъ, самаго благонадежнаго священника, какъ по опытности въ служеніи по старопечатнымъ книгамъ, такъ и по нравственнымъ качествамъ и благочестію, подѣ личною строжайшею отвѣтственностію преосвященнаго предъ Его Величествомъ за сей выборъ и всѣ послѣдствія онаго.

Въ половинѣ Іюля мѣсяца угодно было Его Величеству спросить у графа Протасова;—будетъ ли готова церковь въ Добрянкѣ къ 22-му августа? „Надѣюсь, Ваше Величество, что будетъ готова“, отвѣчалъ графъ. Затѣмъ Государь вновь спросилъ: „а скоро ли сюда пріѣдетъ священникъ изъ Калуги? и почему его и до сего времени нѣтъ?“—„Ваше Величество, отвѣчалъ графъ.—калужскій архіерей весьма озабоченъ и затрудняется выборомъ священника, страшась за неудачный выборъ подвергнуться неминуемой и строгой отвѣтственности. Впрочемъ, ему предписано вновь Синодомъ, чтобы онъ ускорилъ неотложнымъ исполненіемъ, безъ малѣйшаго замедленія, выборомъ священника и присылкою его въ Петербургъ“.

Графъ послѣ такихъ вопросовъ Государя Императора, былъ огорченъ замедленіемъ присылки ожидаемаго изъ Калуги священника, который предварительно

въ С. Петербургѣ долженъ былъ лично быть представленъ Государю Императору, для полученія изустныхъ наставленій.

28 іюля 1845 года, я былъ приглашенъ въ 7 часу вечера къ Алексѣю Ивановичу Войцеховичу, жившему тогда въ большей улицѣ Морской, и явившись къ нему былъ принятъ имъ въ кабинетѣ весьма ласково. Подали чай.—„Отъ чего это мы съ вами, отецъ Тимоѣей, сказалъ Алексѣй Ивановичъ, до сихъ поръ не знакомы“?

— „Думаю, отъ того, — отвѣчалъ я, что вамъ во мнѣ не было нужды. Я также не рѣшался беспокоить васъ, хотя, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, и имѣлъ нужду и думалъ обратиться къ вамъ“.

Г. Войцеховичъ, замѣтивъ, что съ этого времени онъ чаще будетъ видѣться со мною, продолжалъ:

— „Вамъ конечно извѣстно, что Государь Императоръ Николай Павловичъ, путешествуя по Россіи, нерѣдко посѣщаетъ встрѣчающіяся на пути церкви, не исключая и единовѣрческихъ. Ему угодно было обратить вниманіе на различіе въ литургіи между православными церквами и единовѣрческими. Онъ пожелалъ узнать ближе, въ чемъ состоитъ это различіе. Графъ Николай Александровичъ, желая сдѣлать удобное Государю, приказалъ мнѣ обратиться къ Вамъ и поручить, чтобы вы на поляхъ вотъ этой книжки потрудились выписать изъ этого стариннаго служебника различіе въ текстѣ вездѣ, гдѣ вы найдете“. При этомъ Алексѣй Ивановичъ подаль мнѣ лежавшій у него подъ рукою служебникъ литургіи Іоанна златоустаго въ маломъ форматѣ и большой старинный служебникъ Іоанновской печати.

— „Мой любезный батюшка, прибавилъ онъ, — я думаю, вы не откажетесь исполнить желаніе графа, при томъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Нельзя ли устроить это дѣло если не къ завтрашнему дню, то непременно къ десяти часамъ понедѣльника? Вы сами и представите свой трудъ графу на дому“.

Я съ удовольствіемъ взялся исполнить желаніе графа.

Возвратившись домой, я тотчасъ же принялся за трудъ, и продолжалъ его на другой день поутру, лишь только всталъ, сказавши домашнимъ, чтобы они, если кто-нибудь будетъ спрашивать меня, говорили, что меня нѣтъ дома. Я дѣлалъ выписки церковно-славянскими буквами, стараясь удержать въ письмѣ и форму печати стариннаго служебника. Это мнѣ удавалось весьма хорошо, только работа подвигалась впередъ въ пять разъ медленнѣе. Ровно въ 12 часовъ бойко зазвучалъ колокольчикъ у дверей, давая знать о нетерпѣннѣйшемъ посѣтителѣ. Когда онъ вошелъ въ переднюю, я узналъ по голосу, что это былъ Ѳеодоръ Степановичъ Яковенко. Спросивши дома ли я, онъ тотчасъ явился ко мнѣ въ кабинетъ. Первымъ словомъ его было: „что почтеннѣйшій, идетъ ли дѣло? сежъ бо Алексій Ивановичъ, прислалъ до тебе узнать якъ дѣло идетъ“. „Скажите ему, отвѣчалъ я, что трудъ мой, какъ Вы видите, идетъ успѣшно, и увѣрьте А. Ивановича, что завтра въ десять часовъ, я непременно представлю его графу“. „Сежъ бо что такое?“—сказалъ Яковенко,—„вы якъ печатаете—пишете. Прощай бо, почтеннѣйшій“. И съ этими словами онъ ушелъ отъ меня“.

Окончивъ свой трудъ, въ одинадцать часовъ на другой день я былъ уже у графа. Графъ принялъ меня ласково, и былъ очень доволенъ исполненіемъ порученія. Печатный старинный служебникъ онъ отдалъ мнѣ, а маленькій, съ моими выписками, оставилъ у себя, долго дивясь, при этомъ, моей способности писать церковными буквами.

Черезъ недѣлю послѣ перваго моего посѣщенія, въ субботу 4-го августа, Алексій Ивановичъ прислалъ за мною курьера, чтобы я тотчасъ же явился къ нему. Я явился. Встрѣтивъ меня, Войцеховичъ спросилъ: „доставилъ ли я графу служебникъ“?

— „Да, отвѣчалъ я, доставилъ“.

— „Графъ желаетъ васъ видѣть, — сказалъ Войцеховичъ. — Побѣждайте теперь же къ нему съ Богомъ. Онъ теперь на дачѣ, а дача его по Петергофской дорогѣ на лѣвой рукѣ, не доѣзжая Сергіевой пустыни“.

Такъ какъ было уже не рано, то А. Ивановичъ совѣтовалъ мнѣ, не теряя времени, взять карету и поспѣшить на дачу, чтобы не опоздать явиться къ графу.

Возвратившись домой и переодѣвшись, я въ тоже время и отправился на дачу.

Графа не было дома; но онъ, по словамъ лакеевъ, скоро долженъ былъ возвратиться домой. Когда я вошелъ въ гостинную, человѣкъ показывавшій мнѣ дорогу, вышелъ, но черезъ пять минутъ опять вошелъ съ большимъ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояли чайникъ, сахарница и весь чайный приборъ. Стави подносъ на столъ, онъ сказалъ мнѣ, что графъ приказалъ просить меня чаемъ. Лишь только я выпилъ чашку чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ, поданную человѣкомъ, какъ графъ быстро вошелъ въ комнату.

— „А, вы здѣсь батюшка! сказалъ онъ. Очень радъ. Благословите“.

Мы сѣли.

Графъ зналъ, что моя первая служба была въ Малороссіи. Онъ пожелалъ узнать, какъ я попалъ туда, сколько времени жить тамъ, и есть ли у меня въ Малороссіи въ настоящее время кто-нибудь изъ знакомыхъ. Когда я удовлетворилъ его желанію, онъ продолжалъ спрашивать меня, какъ велико у меня семейство, и въ какомъ оно находится положеніи. „Ну, семейство ваше“, — замѣтилъ онъ, „будетъ устроено“. Отвѣчая на вопросы графа, я никакъ не могъ объяснить себѣ, къ чему все это клонится. А графъ продолжалъ говорить:

— „Да! я помню, вы просили отпечатать малый Катихизисъ? отпечатываютъ его непременно“.

Я отвѣчалъ на это, что дѣйствительно просить, чтобы этотъ Катихизисъ былъ отпечатанъ, и при томъ

въ типографіи св. Синода, въ видахъ пользы для св. церкви, объясняя графу, по какимъ побужденіямъ хлопоталъ я объ отпечатаніи Катихизиса въ синодальной типографіи. Книжка эта, — говорилъ я, пользуется у всѣхъ старообрядцевъ большимъ уваженіемъ, а безпоповцамъ она совершенно связываетъ уста, такъ что они ничего не въ состояніи сказать противъ изложенныхъ въ ней истинъ. Самый Катихизисъ въ сущности одно и то же съ православнымъ исповѣданіемъ: вопросы и отвѣты въ нихъ однѣ и тѣже. Но Катихизисъ уже былъ отпечатанъ въ Москвѣ, въ то время, какъ православное исповѣданіе только что явилось въ рукописи. Это обстоятельство заставляло меня думать, не составляетъ ли православное исповѣданіе списка съ малаго Катихизиса, съ прибавленіемъ новыхъ цитатъ, которыхъ больше въ послѣднемъ, чѣмъ въ первомъ. Отпечатаніе Катихизиса съ благословенія св. Синода и въ его типографіи, по моему мнѣнію, положило бы конецъ укоризнамъ отъ старообрядцевъ на православныхъ пастырей, будто они на словахъ только дозволяютъ двуперстное крестное знаменіе, а на дѣлѣ, въ предисловіяхъ къ своимъ часовникамъ и псалтырямъ, проклинаютъ его, и значить только обманываютъ ихъ. Но будь, говорю, отпечатанъ Катихизисъ, съ его изхожденіемъ о двуперстии, по благословенію св. Синода, старообрядцы не имѣли бы повода ошибочно думать о православной церкви и чуждаться ея и пастырей церкви.

Графъ, выслушавъ меня, повторилъ, что Катихизисъ будетъ отпечатанъ. Потомъ, быстро перемѣнивъ разговоръ, сказалъ, что завтрашній день онъ намѣренъ представить меня лично Государю Императору въ Петергофѣ.

Это было для меня совершенно неожиданно. Первою моею мыслию было, оправдаю ли я ту пѣль, для которой графъ вздумалъ представлять меня Государю. Въ недоумѣніи я всталъ, почтительно поклонился графу, поблагодарилъ его за честь, которой онъ намѣренъ удостоить меня, и просилъ Его Сіятельство милостиво уволить меня отъ представленія. Представленіе, гово-

рилъ я, конечно имѣть непременно свою цѣль; но какова бы ни была она, неизвѣстная мнѣ, цѣль, я не только не надѣюсь оправдать ся, но боюсь еще, чтобы мнѣ не испортить дѣла, по которому Его Сіятельство желаетъ представить меня Государю Императору.

Графъ всталъ и взявъ меня за руки сказалъ: „это конченное дѣло! Завтра вы должны быть представлены Государю непременно“.

Я рѣшился спросить графа, что я буду отвѣчать на вопросы, которые Государю будетъ угодно сдѣлать мнѣ?

Графъ на это сказалъ: „каковъ бы ни былъ вопросъ Государя, вы должны отвѣчать, какъ знаете, но остерегаться полуотвѣтовъ, которыхъ Государь терпѣть не можетъ. Если не знаете, что отвѣчать на иной вопросъ, такъ и говорите ему, что не знаете. Государь хочетъ говорить съ вами о раскольникахъ. Не коснется ли разговоръ поминовѣнія Высочайшей фамилии на литургіи? Это вопросъ, который часто затрудняетъ насъ въ Синодѣ. Одни изъ единовѣрцевъ произносятъ на литургіи Высочайшую фамилію по общей формѣ, а другіе отказываются отъ нея. Если случится Вамъ говорить объ этомъ съ Государемъ, постарайтесь припомнить, что онъ скажетъ объ этомъ“.

Затѣмъ графъ спросилъ у меня, привезъ ли я съ собою старинный служебникъ, изъ котораго дѣлалъ выписки. Когда я отвѣчалъ, что его со мною нѣтъ, графъ, пожавъ плечами, сказалъ: „а какъ Государь спросить его? Впрочемъ, я сейчасъ же пошлю за нимъ курьера: вѣдь вапа супруга знаетъ, гдѣ онъ у васъ лежитъ“? Какъ было знать моей женѣ, гдѣ лежитъ служебникъ, когда его не было у меня въ домѣ. Послѣ перваго свиданія съ графомъ я зашелъ прямо отъ него въ чайный магазинъ къ Козьмѣ Егоровичу Вялову. — Со мною былъ и служебникъ. Напившись чаю, я пошелъ домой, а служебникъ забылъ въ лавкѣ. Съ того времени онъ и въ голову мнѣ не приходилъ. Поэтому я долженъ былъ отвѣчать графу, что едвали домашніе отыщутъ его.